

Владимир БАРТЕНЕВ:

Повесть Константина Воробьева «Это мы, Господи!» Владимир Бартенев перечитывает часто. Нет, нет, содержание он помнит в деталях. А книгу снимает с полки, когда что-то не ладится, начинают угнетать проблемы. Переживая вместе с автором страшные события пребывания в фашистском концлагере, его стремление бороться, он вновь и вновь убеждается, что руки опускать ни в коем случае нельзя.

К Воробьеву отношусь как к отцу

Когда в Курской области объявили творческий конкурс на создание скульптурной композиции – памятника писателю К.Д. Воробьеву, вопрос участия в нем перед Бартевым не стоял. Еще раз перечитал его произведения и биографию, чтобы найти отправные точки для воссоздания психологического портрета писателя, который испытал и преодолел нечеловеческие муки, но не сломался, выстоял. Скульптор не добивался внешнего сходства. Важнее было создать образ, который бы люди поняли и приняли. И конкурс Владимир Иванович выиграл с большим перевесом голосов.

– Работать над памятником было непросто, – делился он воспоминаниями. – Хотел, чтобы «мой» Воробьев получился и не пафосным, и не совсем простым, чтобы люди, глядя на него, думали о том, каким он был сильным человеком и писателем. В моем воображении Константин Дмитриевич ассоциировался с генералом Хлудовым из булгаковского «Бега». И рад, что удалось уловить общее в их характере.

Интересна история появления стены, у которой стоит Константин Дмитриевич. Когда речь зашла о выборе места для памятника, родственники назвали сквер недалеко от филармонии. По одному из вариантов скульптурная композиция начиналась на площади Перекальского и через сквер тянулась лабиринтом, состоящим из фрагментов жизни пи-

сателя и его литературных героев. В одном из отсеков, к примеру, «размещалась» его комната в родительском доме, откуда он уехал в Москву, опасаясь доносов после написания антисталинского стихотворения «На смерть Куйбышева». Однако от идеи лабиринта пришлось отказаться из-за ограниченности выделенных средств.

– Хотел достоверно и как можно больше рассказать о Воробьеве. Ведь не все читали его произведения, – говорил Владимир Иванович. – Поэтому на стене появились розовый конь, решетка, сняв которую военнопленные бежали с поезда, увозящего их в Германию. А сам писатель прикасается к стволу дерева из рассказа «Седой тополь». Тополь, стоящий посреди лагеря, от земли и пока достает рука человека, был лишен коры. Ее объели пленные. А весной неожиданно «выперла и взбухла бледно-зеленая новая кора». Это ожившее дерево стало для Воробьева символом жизнестойкости и жизнелюбия.

Случались и казусы. Когда приближалась дата торжественного открытия, работы в Петербурге, куда отправили памятник для литья, остановились из-за

финансовых нестыковок. Полтора месяца Бартенев прожил в Северной столице. Работал вместе со сварщиками и формовщиками. Вот уже и машина из Курска пришла, а сборка продолжалась. Чтобы рабочие не отвлекались, под дождем носил им обеды из соседней столовой. Промок до нитки.

– Мне говорят: «Поедешь на машине – заболеешь. Езжай поездом». Прямо из мастерской примчался на вокзал за пять минут до отхода поезда. С трудом взял билет. Как оказалось – в мягкий вагон. Пассажиры – люди солидные. На меня смотрят косо. Пошел умываться, глянул в зеркало – удивил-

ся: кто такой грязный на меня смотрит? Готов был выпрыгнуть из вагона.

Когда позволяет время, Владимир Иванович приходит к памятнику. Подходят люди, благодарят, говорят, что открыли для себя Воробьева.

...Вот уже четвертый год в сквере у филармонии стоит памятник К.Д. Воробьеву. Время от времени возле него загораются свечи. Их ставят сын и дочь Константина Дмитриевича, а также благодарные куры. И губы непроизвольно шепчут: «Это мы, Господи!»

Галина ЧЕМОДУРОВА

